

Цинь Чжэн на мгновение замешкался, но затем отрезал:

— Не хочу!

Лянь Цяо лишь молча воззрилась на него. Цюй Чэнь тоже лишился дара речи.

Вэнь Тинъюнь приподнял бровь — он ожидал чего-то подобного.

— Помолчите и выслушайте меня до конца, — остановил их Цинь Чжэн.

Он закрыл книгу с тайными техниками, которую Лянь Цяо швырнула ему прямо в руки. Потирая пальцами кожаный переплёт, он тщательно подбирал слова.

— Эти записи принадлежат Шаолиню, и их следует вернуть. К тому же меня лишили боевых искусств в наказание. Я принял это добровольно. Если теперь я стану искать лазейки, чтобы вернуть силу, разве это не покажет, что я не раскаялся? Это лишь посеет ненужную тревогу. Сейчас я не великий мечник Цинь Чжэн. Я — злодей, отступник, которого с позором выставили за ворота Виллы Обширных Холодов. А никчёмному изгнаннику полагается побираться на улицах без гроша в кармане. Разве я в чём-то не прав?

Лянь Цяо ещё никогда не видела настолько бесхребетного мужчины. Шанс на спасение лежал прямо перед ним, а он упрямо цеплялся за своё ничтожество. Ей вдруг показалось, что весь этот путь проделан зря. Натягивать маску хрупкой девицы, бежать без оглядки десятки ли наперегонки с наёмными убийцами — и ради чего? Чтобы встретить кучу размякшей грязи, которую не размазать по стене? Да лучше бы она забрала рукопись себе!

Цюй Чэнь, только что узнавший тайну происхождения Цинь Чжэна, не мог злиться на его упаднические речи. Однако упрямство друга заставляло его сердце сжиматься от тревоги.

— Раз уж я отыскал тебя, то не позволю бродяжничать, — мягко произнёс он. — Если не хочешь браться за эту книгу сейчас, отложи её. Мы найдём другой способ.

Вэнь Тинъюнь лишь презрительно фыркнул, предпочтя промолчать.

Цинь Чжэн рассеянно кивнул, стремясь поскорее закрыть неприятную тему.

— Девушка Лянь Цяо, кто направил вас сюда? И откуда у вас эта запретная рукопись?

— Всему своё время, сейчас ничего не скажу, — недовольно буркнула Лянь Цяо. — Вещь я передала, весть донесла. На этом откланяюсь.

Она ловко поднялась, наспех оправила растрёпанные волосы и запылённое платье. Собравшись уходить, она мазнула взглядом по Вэнь Тинъюню, который с отсутствующим видом лениво крутил в пальцах чарку.

— А у вас, Девятый господин, завидное самообладание, — съязвила она. — В Демоническом культе сейчас сам чёрт ногу сломит, а вы и ухом не ведёте.

Вэнь Тинъюнь вскинул голову и холодно усмехнулся:

— А вы, девица, на удивление осведомлены. Впрочем, смута у нас дело привычное, я от неё только и успеваю скрываться. — Его взгляд потеплел, когда он перевёл его на Цинь Чжэна. — У брата Циня так спокойно, что на душе у меня лишь умиротворение. Никакой тревоги.

У Лянь Цяо от его приторного тона поползли мурашки по коже. Ей безумно захотелось поскорее убраться отсюда. Свирепый дьявол, опекающий кусок никчёмной грязи, а рядом — какой-то странный тип, нянчащийся с соболем... Ни одного нормального человека!

Она торопливо сложила ладони в приветствии:

— Прощайте.

Незванные гости валили один за другим, и Цинь Чжэн чувствовал себя вконец измотанным. Стоило спроводить одну девицу, как перед глазами остался стоять Государственный наставник, явно намеревавшийся докопаться до истины. Сил на пустые разговоры не осталось.

— Брат Чэнь, — обратился Цинь Чжэн к Цюй Чэню. — Ты теперь птица высокого полёта, Государственный наставник. Тебе негоже разгуливать по глухим лесам посреди ночи. Возвращайся. Мне сейчас действительно нечего добавить. Как-нибудь в другой раз я сам приду к тебе и всё растолкую. Надеюсь только, твоя стража не выставит меня взашей.

Цюй Чэнь прекрасно понял, что его выставили за дверь. Уходить не хотелось, да и обида брала: почему Цинь Чжэн гонит только его? Рядом ведь преспокойно сидел другой человек! Неужели смазливое лицо и корзина с едой настолько затуманили разум бывшему мечнику, что он готов привечать у себя сомнительных личностей? Кем они приходятся друг другу? Были ли знакомы раньше? И главное — зачем Хозяину девятой долины Демонического культа тереться возле калеки? Эти вопросы роем кружились в голове Цюй Чэня, не давая покоя. Уходить в таком неведении было сродни пытке.

— Буду ждать тебя в Яци, в резиденции государственного наставника, — произнёс Цюй Чэнь, поднимаясь во весь рост.

Оправив полы одеяния, он смерил Вэнь Тинъюня ледяным, предостерегающим взглядом сверху вниз, после чего повернулся к Цинь Чжэну:

— Мы всё ещё на землях Юга, и я велю своим людям присматривать за твоей безопасностью. Но и сам держи ухо востро. Если тебя так легко отыскали мы, то могут найти и другие. Всякий сброд, желающий нажиться на твоём имени или лишить жизни, обязательно попытается подобраться ближе. Одумаешься — перебирайся ко мне.

Друг детства... В глубине души Цинь Чжэн был искренне благодарен Цюй Чэню за верность и заботу. Вот только существовали причины, по которым он обязан был держаться от него подальше.

— Благодарю за заботу, господин Государственный наставник, — бесстрастно отозвался Цинь Чжэн. — С меня нечего взять, да и пользы никакой я не принесу. Так что я в полной безопасности. Доброго пути.

Цюй Чэнь едва слышно вздохнул и, круто развернувшись, скрылся в ночной темноте.

Когда шаги снаружи затихли, Цинь Чжэн брезгливо швырнул прочь злополучную книгу — этот горячий уголь, жгущий руки, — сделал глоток остывшего чая и бессильно замер.

Вэнь Тинъюнь терпеливо ждал, когда тот заговорит. Он не лез с расспросами — лишь велел слугам подлить кипятку да напомнил страже о ночном дозоре. Хозяин долины так и лучился самодовольством: ещё бы, Цинь Чжэн выставил двоих незваных гостей, но позволил остаться ему — человеку, которого видел всего второй раз в жизни, да ещё и уличённому в принадлежности к Демоническому культу. Тихая радость в душе Вэнь Тинъюня быстро перерастала в откровенное торжество.

Цинь Чжэн посидел так некоторое время, затем поднял глаза, собираясь что-то сказать. Но стоило ему увидеть, как Вэнь Тинъюнь весело крутит в пальцах пустую пиалу, сияя от счастья, как он невольно застыл. В этой беззаботности и юношеском задоре сквозило нечто такое, чему Цинь Чжэн даже немного позавидовал.

— Вижу, у тебя прекрасное настроение, брат Вэнь. Поделишься радостью? Хотелось бы и мне немного приободриться.

Вэнь Тинъюнь ловко перехватил бешено крутящуюся пиалу и поднялся на ноги:

— Всякие надоеды наконец-то убрались восвояси. Как тут не радоваться?

Цинь Чжэн горько усмехнулся.

— Они-то хотя бы честно выложили свои намерения. А вот твои цели, брат Вэнь, для меня загадка. — Он прищурился, прямо глядя на собеседника. — Кто бы мог подумать, что новый Хозяин Долины Беззаботности из Божественного учения Кшитигарбхи окажется столь молодым и одарённым мужем? Что же ты скрыл от меня свой высокий сан?

— Я не со зла утаил правду, — с обезоруживающей искренностью ответил Вэнь Тинъюнь. — Видит бог, я порывался признаться, но до смерти боялся, что ты, узнав о моей связи с Демоническим культом, и на порог меня непустишь. Вот и тянул до последнего, пока другие не выдали секрет. Теперь со стороны это наверняка выглядит так, словно я втирался к тебе в доверие с дурными умыслами.

Цинь Чжэн покачал головой. Разумеется, истинное положение Вэнь Тинъюня его ошарашило, однако подозревать его в заговоре против себя было глупо. Демонический культ подмял под себя полмир, а Долина Беззаботности сейчас была сильна как никогда. Захоти этот грозный владыка причинить ему вред — стёр бы в порошок в мгновение ока. К чему эти сложности с изысканной едой, дорогими винами и притворным дружелюбием?

— Предупредил бы заранее, и мне не пришлось бы представляться Чэнь Дацзюнем. А то твои люди только и делали, что кликали меня «братом Дацзюнем». Выставил себя на посмешище, право слово.

— Пустяки, не думай об этом, — отмахнулся Вэнь Тинъюнь. — В твоём положении осторожность не помешает. Пусть для посторонних ты так и останешься Чэнь Дацзюнем.

Цинь Чжэн пристально взгляделся в его лицо:

— А твоё собственное имя? Вэнь Тинъюнь — это правда или очередная маска? Можешь не отвечать, если не хочешь. Раз уж ты признал, что правишь Долиной Беззаботности, имя не играет большой роли.

Вэнь Тинъюнь мягко улыбнулся:

— Тебе я назвал своё настоящее имя.

Цинь Чжэн перебрал в уме всех, кого знал, но имя «Вэнь Тинъюнь» не вызвало никаких ассоциаций. Они определённо никогда не встречались.

— Мои пути с Демоническим культом прежде не пересекались, — озадаченно проговорил он. — Хоть недавние беды косвенно и задели вашу паству, но... прямой связи тут нет. Зачем ты разыскивал меня? Хочешь докопаться до сути дела, чтобы представить отчёт старейшинам культа?

— Я искал тебя по собственной воле, — обиженно протянул Вэнь Тинъюнь. — Дела культа тут ни при чём.

Цинь Чжэн опешил:

— По собственной воле?

— Да, именно, — Вэнь Тинъюнь набрал в грудь воздуха, словно собираясь с духом. — Я сам жаждал этой встречи. А твои слова о том, что ты никогда не знался с Демоническим культом... боюсь, ты кое-что запамятовал.

Он опустил руку к поясу, отвязал нефритовую подвеску с облачным узором и протянул её Цинь Чжэну.

— У меня есть и другое имя.

Цинь Чжэн принял подношение. Нефрит был безупречным — чистым, тёплым на ощупь, с искусно вырезанными облаками. В самом имени «Вэнь Тинъюнь» присутствовал иероглиф «облако», так что в подобном украшении не было ничего странного — скорее всего, семейная реликвия. И всё же узор показался ему смутно знакомым.

Вэнь Тинъюнь прикусил губу. В его глазах промелькнула детская робость. С трудом сглотнув, он наконец произнёс слова, которые столько лет томились в его сердце:

— Ты ведь помнишь Су Цзыцина? — Его голос слегка дрогнул. — Гэгэ, с тех пор как Цзыцин бросился с Утёса Обрыва Воды, прошло долгих семь лет. Неужели ты совсем забыл меня?

Услышав имя «Су Цзыцин», Цинь Чжэн резко вскинул голову. Он радостно просиял:

— Цзыцин?! Это действительно ты?!

Вэнь Тинъюнь порывисто кивнул и, точь-в-точь как в детстве, кинулся в объятия Цинь Чжэна. Вот только в былые времена он едва доставал старшему другу до пояса и мог лишь ластиться, уткнувшись носом в грудь. Теперь же, будучи на голову выше Цинь Чжэна, он налетел с такой силой, что сбил калёку с ног. Оба с грохотом повалились на пыльный пол, застыв в крайне двусмысленной и неловкой позе.

Как назло, именно в этот момент в храм вернулся Су Дань, бережно несущий пиалу с целебным отваром. Старик отродясь не утруждал себя стуком, а потому без лишних церемоний шагнул внутрь — и обомлел. Наткнувшись взглядом на это непотребство, он от испуга выронил лекарство. Глиняная чашка разлетелась вдребезги.

Зажав ладонью глаза, лекарь запричитал:

— Пресвятые угодники! Вэнь Тинъюнь, ты... кхм... Хозяин долины, держи себя в руках! Снаружи ведь люди!

Встреча со старым другом переполнила душу Цинь Чжэна ликованием, и поначалу объятия не вызвали у него смущения. Однако пунцовое лицо старика Су Даня, который стыдливо лепетал что-то под нос и прикрывал глаза, заставило его осознать всю пикантность их положения. Со

стороны это выглядело чертовски предосудительно. Торопливо отпихнув Вэнь Тинъюня, Цинь Чжэн поднялся и сел, чувствуя, как щёки заливают густая краска.

— От тебя убьют бы постучать?! — раздражённо огрызнулся Вэнь Тинъюнь.

Ему так хотелось подольше побыть в объятиях названного брата, а этот старый хрыч всё испортил. Нехотя отстранившись, Хозяин долины сел рядом, небрежным жестом откинул назад длинные пряди волос и гневно уставился на лекаря:

— Растяпа, даже чашку донести не можешь! Иди и приготовь новый отвар!

Су Дань, даже не потрудившись собрать осколки, поспешил ретироваться.

— И в следующий раз стучи! — донёсся ему в спину властный окрик. — Пока я не разрешу, никому сюда не соваться!

Старик выкатился из храма с самым ошарашенным видом. Потоптавшись у порога, он принялся растерянно чесать затылок и бормотать под нос:

«Мать моя женщина... Я-то думал, парень просто с придурью да нравом крут. А он, оказывается, умом повредился! И когда только успел на мужиков позариться? Как я проглядел?»

Немного поразмыслив, он сокрушённо вздохнул.

«Эх, моя вина. Моя! В Долине баб раз-два и обчёлся, да и я с малых лет драл с него три шкуры, спуску не давал. Вот мальчишка и вырос кособоким».

Но коли сам виноват — надо как-то исправлять положение.

«Интересно, это вообще лечится? Какие травки заварить, чтобы дурь из башки выбить? Надо покумекать, ох, надо... Господи боже, если покойный Старый хозяин долины Вэнь прознает, что его единственный наследник под моим присмотром решил род пресечь, он же из гроба восстанет и лично меня придушит! Вот ведь паскудство...»

Лекарь смачно выругался и, продолжая непрестанно ерошить поредевшую шевелюру, поплёлся прочь.

Караульные, стоявшие неподалёку, усердно грели уши. Услышав обрывки причитаний, они пришли в полнейший ужас и принялись испуганно перешёптываться. Никто не мог взять в толк, с какой стати их девятнадцатилетний господин вдруг прослыл «бесплодным». Но раз уж сам Су Дань — величайший лекарь культа — расписался в собственном бессилии, дело и

впрямь принимало скверный оборот. Наверняка болезнь неизлечима.

Глядя на тусклый огонёк свечи в окне заброшенного храма, подчинённые лишь сочувственно вздыхали.

А внутри храма Вэнь Тинъюнь, заметить успев, что Цинь Чжэн всё ещё заливается краской, немного стушевался:

— Гэгэ, я так счастлив, что ты не забыл меня. Хотел обнять тебя, как в детстве... Сильно расшибся?

Цинь Чжэн лишился дара речи. В детстве этот сорванец едва доставал ему до пояса, его можно было шутя подхватить на руки и усадить на плечи. А теперь этот верзила вымахал чуть ли не на голову выше его самого! Конечно, они приложились оземь со всем размахом.

— Пустяки, всё в порядке, — поспешно заверил его Цинь Чжэн. — Главное, что ты жив и здоров, Цзыцин. Я тоже несказанно рад нашей встрече.

Он поёрзал, устраиваясь поудобнее, и потянул за ворот халата, пытаясь остудить пылающие щёки. Эти робкие жесты лишь раззадорили Вэнь Тинъюня, пробуждая в нём непреодолимое желание вновь прижать названного брата к себе.

Цинь Чжэн принялся внимательно разглядывать юношу. Тот заметно раздался в плечах, а когда они повалились, Цинь Чжэн случайно коснулся его предплечья — под тканью перекачивались тугие, стальные мускулы. Прежний круглолицый, бледный мальчуган превратился в статного красавца с волевым подбородком и пронзительным взглядом тёмных глаз. И всё же для Цинь Чжэна, который был старше его на добрых пять-шесть лет, он по-прежнему оставался тем самым беззащитным ребёнком.

В былые годы Цзыцин отличался невероятной застенчивостью. Боясь, что малыш устанет в долгой дороге, Цинь Чжэн то и дело нёс его на руках или сажал на спину. В те времена Вэнь Тинъюнь то и дело умилительно краснел по любому поводу. Бывший мечник невольно подивился: как из такого скромника вырос столь бесцеремонный нахал?

— Когда ты сорвался с обрыва, я долго не мог найти себе места, гадая, жив ты или погиб, — с грустной улыбкой произнёс Цинь Чжэн. — Было невыносимо тяжело. Но теперь, видя тебя в здравии, да ещё и во главе Долины Беззаботности... я безмерно счастлив. Подойди-ка поближе, дай разглядеть тебя получше.

Вэнь Тинъюнь тут же придвинулся вплотную, выпрямив спину как струна. Цинь Чжэн положил ладони ему на плечи и тепло улыбнулся:

— Как вымахал... Да и мастерством фехтования овладел в совершенстве. Небось, проливал три

ручья пота на тренировках? Как тебе жилось в Демоническом культе все эти годы?

Взгляд Вэнь Тинъюня мгновенно потух, а на губах показалась обиженная гримаса:

— Плохо. Очень плохо.

<http://bllate.org/book/19742/2038677>